

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

НЕКРОЛОГИ

ПАМЯТИ ИГН. ГОЛЬДЦИЭРА

(1850—1921 г.).

С опозданием почти на полгода пришла к петроградским востоковедам весть о кончине одного из крупнейших ориенталистов нашего времени, профессора в Будапеште Игн. Гольдциэра, умершего 13 ноября 1921 года. Целый ряд духовных нитей связывал его с Россией. Юные годы он провел в школе великого лейпцигского «шейха» Флейшера, ученики которого в предшествующем нам поколении занимали большинство кафедр в Европе. В этой школе завязалась его дружба с будущим академиком В. Р. Розеном, крупнейшим русским арабистом за вторую половину прошлого века. Тесная дружба, ничем не омраченная и не прерывавшаяся до самой смерти Розена в 1908 году, оставила свой след не только в обширной переписке, но и в той моральной поддержке со стороны петроградского ученого, о которой Гольдциэр открыто говорил и в своих ученых трудах, и частных беседах, особенно с учениками Розена; на них он как бы перенес свои симпатии и дружбу с покойным. А в такой духовной поддержке Гольдциэр часто нуждался: еврейское происхождение наложило тяжелый отпечаток на весь жизненный путь этого ученого — венгерского уроженца. Достаточно сказать, что, будучи уже всемирной известностью, он не мог получить вакантной кафедры в родном будапештском университете: только в 1895 году, когда ему была предложена профессура в Кембридже, венгерское правительство согласилось на его утверждение в Будапеште. Но и профессура не дала ему материального обеспечения, и еще долгие годы он вынужден был нести утомительный, поглощавший почти все его время труд секретаря еврейской общины. Если несмотря на это он не только создал целую эпоху в науке своими трудами, но

и до конца дней продолжал трудиться так же интенсивно, как в дни юности, то это можно объяснить, помимо колоссальной трудоспособности и духовной энергии, только неугасимой любовью к чистой науке, увлекшей его с первых шагов. Истинное величие его характера сказалось в том, что жизнь, нисколько не озлобила его и не подрезала оптимистического взгляда на мир: до последних лет в нем чувствовалась ничем непоколебленная доброжелательность ко всем людям и особенно мягкая душевная чуткость в обращении с молодыми начинающими учеными.

С именем Гольдциэра останется связанным целый период в истории той науки, которую за последние годы принято называть исламоведением. Давно уже признано, что в этой области, наряду с голландским ученым Снук Хюргронье, он является первым авторитетом. Труды последнего чаще носили специальный характер; написанные иногда на мало доступном для большинства голландском языке, они редко выходили за круг специалистов, и проводником новых теорий и взглядов в этой области явился преимущественно Гольдциэр. Правда, и он часто писал на венгерском языке, но все главные труды и результаты самостоятельных венгерских исследований обыкновенно излагались им по-немецки. Трудно было бы дать общую характеристику работ Гольдциэра уже благодаря их количеству: список, составленный его учениками к 60-летию юбилею, заключал около 1.000 номеров, а с той поры его работа не прекращалась и дала несколько крупных томов и десятки мелких статей. Так же трудно ее характеризовать и благодаря разнообразию тем: будучи исламоведом по преимуществу, он оставил тем не менее капитальные работы по самым разнообразным отраслям арабской филологии в широком смысле слова, по еврейской философии и литературе, по сравнительной этнографии и пр. Его люби-

мыми сферами были две первых области и, вероятно, в них значение его трудов окажется наиболее длительным. Этапы развития его теорий здесь отмечались крупными работами, быстро входившими в обиход мировой науки.

Славу одного из первых исламоведов упрочил за Гольдциэром двухтомный труд— *Muhammedanische Studien* (1889—1890). Он показал, что преимущественное внимание Гольдциэра направляется в область «идей ислама», а не его внешней истории или отражения в быте и материальной жизни последователей. В известном смысле это направление примыкало к работам австрийского ученого Кремера, который в сущности и заложил первые основания новой науки об исламе в 60—80 годах. В распоряжении Гольдциэра был не только более выработанный научный метод и крупный талант, но и больший материал, переработанный с редкой начитанностью. Первый том его этюдов был посвящен вопросу о самом зарождении этих идей на почве языческой Аравии, о борьбе старо-арабской и мусульманской идеологии, продолжавшейся и после распространения ислама за пределами Аравии. Даже кажущаяся победа единого ислама не прекратила борьбы, принимавшей теперь формы вражды различных национальностей—арабов и персов или принципов национальности и единства в исламе. Второй том толкует казалось бы о более специальном вопросе—истории мусульманского предания в его житейской и литературной форме, однако, поход Гольдциэра настолько широк и важен в обще-культурном отношении, что и этот том стал скоро настольной книгой всякого ученого, приходящего в соприкосновение с мусульманским миром. Эта книга, окончательно упрочившая славу Гольдциэра, была первой, которая позволила заново построить всю картину исторической эволюции ислама.

Вторая крупная работа Гольдциэра *Abhandlungen zur arabischen Philologie* (1896—1899) захватывала несколько иную область—арабскую поэзию. Изучая древнейшую стадию, Гольдциэр установил тесную связь поэзии с религиозно-культурными переживаниями и особенно ярко осветил вопрос о происхождении и первоначальном развитии некоторых ее форм. Его характеристика и анализ древне-арабских сатир навсегда остаются классическим образцом работ такого рода.

К шестидесяти годам жизни Гольдциэр подвел итог своим специальным исследованиям в «Лекциях по исламу» (1910), которые он собирался прочесть по приглашению в Америке. По своей структуре они несколько примыкали к одному общему очерку о религии ислама, помещенному им не задолго до того в известной немецкой серии «Современная культура». Очерк предста-

вляет мастерской образец сжатого стиля энциклопедии и служит до наших дней едва ли не лучшей схемой общей истории развития мусульманской идеи. Предназначенные для несколько других целей «Лекции» набрасывают ту же картину в значительно более широком масштабе; с некоторыми деталями и литературными иллюстрациями, оживляющими изложение. Перед читателем здесь проходит вся история ислама, начиная с периода Мухаммеда, кончая религиозными движениями XIX века бабидов и Ахмедия, равно как модернистскими течениями в современной Индии и Египте. Обе работы переведены на русский язык и должны были бы стать руководством для всякого приступающего к знакомству с мусульманским миром. Можно отметить, что английский и французский перевод «Лекций» был опубликован непосредственно по окончании мировой войны.

Последнее десятилетие жизни Гольдциэра, несмотря на обычное разнообразие тем, характерно особенно работами по истории коранического экзегеза. Приглашенный в 1913 году прочесть ряд лекций в Упсале, он выбрал эту тему, над которой тогда работал. Переведенные с рукописей на шведский язык лекции были опубликованы в 1915 году. Продолжая работу над ними, Гольдциэр выпустил их в совершенно переработанном виде обширным томом, под названием «Течения мусульманской экзегетики». Издавая работу в 1920-м году к дню своего 70-летия, в обширном предисловии Гольдциэр назвал книгу своей лебединой песней. Грустью веет от этого предисловия: в нем рассказано с эпическою простотой и обычным спокойствием, как нерадостны были последние годы жизни великого ученого, так же нерадостны, как и первые шаги на избранном поприще. Опять повисли материальные затруднения, семейные несчастья и политические осложнения, казалось, объединились, чтобы подорвать энергию великого ученого. Этого не случилось: его лебединая песня звучит так же мощно и бодро, как первые труды. 70-летие Гольдциэра было торжественно отмечено Венгерской Академией Наук, членом которой он уже давно состоял, но в этом торжестве мудрый старец видел лишь «приготовление к похоронам», как он писал в Лейден своему другу Спук Хюргорнье.

Труды Игн. Гольдциэра навсегда сохранят его имя в истории науки. Нынешнее поколение ученых может гордиться тем, что запечатлено в своей памяти облик редкой духовной красоты и величия, мягкой обаятельности и доброжелательства, который навсегда связывался с Гольдциэром у всех тех, кто имел великое счастье знать его близко.

И. Крачковский

Август 1922.